2. ЕЩЕ ВОСПОМИНАНІЕ О Н. П. СЛѢПЦОВѢ.

«Я зналъ Николая Павловича Слѣпцова съ восьми-лѣтняго возраста, воспитываясь съ нимъ короткое время въ пансіонѣ Ярославскаго Демидовскаго Лицея, который гордится уже многими лицами, получившими въ немъ воспитаніе. Въ этотъ отроческій возрастъ уже виденъ былъ въ Слѣпцовѣ будущій человѣкъ, котораго судьба поведетъ ко многому; и тогда онъ имѣлъ острый умъ, пріятное умное личико, глаза черные, блестящіе, и сверкающіе, когда онъ разсердится. Самый большой и сильный изъ пансіонеровъ не рѣшался обидѣть его, потому-что, несмотря на свое безсиліе, въ первую удобную минуту, Слѣпцовъ подкрадывался къ обидчику, и, покуда тотъ успѣвалъ опомниться, онъ отдѣлывалъ его по-свойски и увертывался какъ ртуть; но самъ онъ не начиналъ никогда ссоры.

«Въ 1835 году, кажется, взялъ Николая Павловича изъ пансіона отецъ его, извѣстный своимъ положительнымъ умомъ и высокою, старинною барскою честностію слова, и отдалъ въ Школу Гвардейскихъ Подпрапорщиковъ. Здѣсь въ 1837 году, я видѣлъ его фельдфебелемъ — достоинство, которое пріобрѣтается отличнымъ поведеніемъ и успѣхами. Довольно часто я видѣлъ его въ то время и знаю, что всѣ товарищи любили его безъ памяти и,

уважая Николая Павловича, берегли его и опасались какими-либо шалостями подвести подъ отвѣтственность.

«Произведенный въ офицеры въ лейбъ-гвардіи Литовскій полкъ, чрезъ 8 мѣсяцевъ послѣ того, Слѣпцовъ получилъ чинъ подпоручика, и черезъ годъ съ небольшимъ судьба увлекла его въ Нижегородскій Драгунскій полкъ. Онъ перешелъ штабсъ-капитаномъ.

«Вскорѣ послѣ-того взятъ онъ былъ въ адъютанты къ Начальнику Штаба на Кавказской Линіи и въ Черноморіи, генералъ - маіору Траскину, и бывалъ въ экспедиціяхъ, но еще не отличался тогда особенною дѣятельностью; слава ждала его впереди. Первый листокъ въ лавровый вѣнокъ свой суждено ему было завоевать на Лѣвомъ Флангѣ Кавказа, въ 1843 году. Какъ старый товзрищъ его, какъ очевидецъ дѣла, раскажу этотъ случай.

«Въ октябрѣ 1843 года, послѣ неожиданнаго вторженія горцевъ въ Аварію и дѣйствій съ 26-го августа по 28-е сентября, прибылъ въ Темиръ-Ханъ-Шуру Начальникъ Кавказской Линіи, генералъ-лейтенантъ Гурко. При штабѣ его находился капитанъ Николай Павловичъ Слѣпцовъ, бывшій тогда еще адъютантомъ. 14-го декабря того же года вступилъ въ блокированную непріятелемъ, съ 8-го нонбря, Темиръ - Ханъ - Шуру, Генералъ Фрейтагъ съ войскомъ. 15-го, генералы Гурко, Клюки-фонъ-Клугенау и Фрейтагъ выдвинули войска свои къ Ка-

фыръ-Кумыку, выбили оттуда многочисленнаго непріятеля и имѣли дѣло подъ Муслинъ-ауломъ. Разстроенныя толпы Шамиля прискакали къ нему въ безпорядкѣ въ Большія-Казанища, откуда Шамиль немедленно выступилъ по дорогѣ къ Эрпилямъ и, мимо села Тшкарты (гдѣ генералъ Клугенау еще въ въ 1840 году разбилъ его на-голову), ушелъ въ горы. Тогда, 16-го декабря, генералъ Клугенау пошелъ на выручку храбраго подполковника Генеральнаго Штаба Діомида Васильевича Пассека, начальствовавшаго отрядомъ и бывшаго въ осадѣ слишкомъ мѣсяцъ въ укрѣпленіи Зыраны. Слѣпцовъ отправился охотникомъ, въ отрядѣ генерала Клугенау, который поручилъ ему въ командованіе 1-й баталіонъ Апшеронскаго полка.

«Сорокъ верстъ до Зырановъ наши соколы перелетѣли, отдохнувъ съ часокъ у Бурундукъ-Кальской башни. Непріятель вездѣ бѣжалъ. И вотъ мы въ 2-хъ верстахъ предъ Зыранами; наши знамена вьются на высотахъ. Едва переводя духъ, стремимся мы къ братьямъ нашимъ; святое «ура!» было дружескимъ привѣтомъ обоихъ отрядовъ, и вдругъ изъ укрѣпленія, въ привѣтъ избавителямъ, раздался залпъ изъ ружей, загрохотала пальба изъ всѣхъ орудій, растворились ворота, подъемный мостъ упалъ, и радостныя слезы двухъ отрядовъ смѣшались при объятіяхъ избавителей и избавленныхъ. Я стоялъ въ это время подлѣ Николая Павловича. Онъ плакалъ, какъ ребенокъ.

«17-го числа началось выступленіе изъ укрѣпленія Зыраны противъ непріятеля, занявшаго междутѣмъ дорогу къ Темиръ-Ханъ-Шурѣ. Едва вошли отряды въ Игранойское - Ущелье, какъ съ обѣихъ высотъ полетѣли пули и камни. Лѣвую высоту взялся очистить Пассекъ, правую Слѣпцовъ, и я видѣлъ, какъ загорѣлись глаза его. Съ шашкой въ рукѣ, впереди всѣхъ, онъ полѣзъ на крутую высоту, болѣе 300 саженъ. Многіе валились кругомъ его, и раненые летѣли внизъ, не имѣя силъ удержаться, но онъ хранимъ былъ рокомъ.

«Вотъ за гребнемъ горы засѣли горцы; ружья были безсильны противъ нихъ. «Не стрѣляй, не стрѣляй!» — кричалъ Николай Павловичъ — «береги зарядъ, не торопись, переведи духъ... ура!» и горцы были опрокинуты, и погналъ онъ ихъ съ гребня на гребень, и пошелъ вездѣ колотить ихъ.

«Въ эту минуту геній войны благословилъ Слѣпцова; это былъ свѣтлый восходъ того свѣтила, которое потомъ лучами своими грѣло Сунженцевъ и палило горцевъ.

«16 верстъ ущелья отрядъ прошелъ охраняемый громомъ его баталіона и Пассека. Оба они были потомъ отличнѣйшими генералами и, Боже мой! обоихъ нѣтъ уже!...»

П. Ильинъ.